

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан ориентируют отечественную науку на исследование многих сторон правового просвещения населения. Речь идет о познании причин правового нигилизма и способов борьбы с ним, повышении правовой культуры должностных лиц, включая сотрудников правоохранительной системы, создании условий для социальной активизации личности в вопросах формирования гражданского общества и строительства сильного государства. Названным и иным аспектам посвящена первая рубрика журнала.

Н. И. Матузов*

*Призрак бродит по планете,
призрак нигилизма.*

А. Глюксман

Правовой нигилизм как образ жизни

К двум известным «традиционным» бедам России сегодня смело можно прибавить третью — тотальный правовой нигилизм, который имеет столь же глубокие корни, как и первые две напасти. Давно было сказано: на Руси всегда правили люди, а не законы. Отсюда наплевательское отношение к закону как свойство натуры, ментальности русского обывателя. А ведь еще римские юристы провозгласили: государством должен править закон, закон выше любой должности. Это хорошо понимали и отечественные правоведы: «Государство является нравственным настолько, насколько оно управляется законом»¹.

«Нигилизм» как общесоциальное собирательное понятие в переводе с латинского означает «ничто», «ничего», «непризнание чего-либо». Нигилизм выражает отрицательное отношение субъекта (группы, класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеям, отдельным, а подчас всем устоям человеческого бытия. Девиз нигилистов — все вокруг не так устроено, требует замены.

---

* Профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

¹ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1890. С. 70.

Нигилизм — одна из форм мироощущения и социального поведения, разновидность фрондерства, бунтарства. Как течение общественной мысли он зародился давно, но наибольшее распространение получил в XIX и XX столетиях, главным образом в Западной Европе и в России. «Но, увы, именно в России нигилизм дал самые обильные всходы»¹. Характерно название одной из статей того времени².

Нигилизм был связан с такими философами леворадикального направления, как Якоби, Прудон, Ницше, Штирнер, Хайдеггер, Бакунин, Кропоткин и др. Нигилизм многолик, он может быть нравственным, правовым, политическим, идеологическим, религиозным и т. д., в зависимости от того, какие ценности отрицаются, о какой сфере знаний и социальной практики идет речь — культуре, науке, искусстве, этике, политике, экономике. Нигилизм глубоко укоренился в среде русской разночинной интеллигенции 60-х г. XIX в., отвергавшей феодально-крепостнические порядки и традиции.

Русский писатель И. С. Тургенев вывел в своих романах яркие образы бунтарей, не признававших и осуждавших многие постулаты окружающей их действительности и предлагавших новые идеи. Нигилистами были революционные демократы, резко критиковавшие современные им порядки и призывавшие к замене их более справедливыми. Нигилизм носил революционный характер. Например, о своем Базарове Тургенев писал, что «если он называется нигилистом, то надо читать: революционером»³.

В 1866 г. М. А. Бакунин в знаменитых письмах к А. И. Герцену советовал последнему «искать молодую поросль новой молодежи в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля»⁴.

Обстоятельная характеристика социального нигилизма, распространившегося в начале XX столетия в определенных слоях русского общества, была дана в знаменитом сборнике «Вехи», вышедшем в 1908 г. и получившем впоследствии широкий общественный резонанс. Один из его авторов — С. Л. Франк — с особым пафосом подчеркивал, что если бы можно было одним словом определить умонастроение нашей интеллигенции, то нужно было бы назвать его «морализмом».

«Русский интеллигент, — писал С. Л. Франк, — не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые. Морализм этот есть лишь отражение ее (интеллигенции. — Н. М.) нигилизма... Под нигилизмом я разумею отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей»⁵.

Общей (родовой) чертой всех форм нигилизма является *отрицание*, но не всякое отрицание есть нигилизм. Отрицание шире, оно органически присуще человеческому сознанию, диалектическому мышлению. Поэтому далеко не всех, кто что-либо отрицает, можно считать нигилистами. В противном случае сам термин «нигилизм» теряет свой смысл и растворяется в более объемном понятии отрицания.

Следовательно, нигилистическое и диалектическое отрицание — разные вещи. Когда нигилизм становится естественным (объективным) отрицанием старого, заско-рузного, реакционного (например, рабства, крепостничества, всех форм деспотизма,

¹ Сапронов П. А. Путь в ничто. Очерки русского нигилизма. СПб., 2010. С. 5.

² См.: Надеждин Н. И. Сонмище нигилистов // Вестник Европы. 1829. № 12.

³ Тургенев И. С. Собр. соч. : в 12 т. М., 1958. Т. 12. С. 339.

⁴ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. С. 293.

⁵ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 170.

порабощения и т. д.), он перестает быть нигилизмом. Равно как отрицание многих мрачных и даже трагических страниц из нашего недавнего прошлого, прежде всего в государственной и политико-правовой сферах жизни общества, вполне справедливо и оправданно, т. к. представляет собой неизбежный процесс обновления.

Тем более, когда речь идет об эволюционном развитии. Ф. Энгельс, имея в виду движущие силы формационных периодов и смену последних, писал: «Появление молодой буржуазии нашло свое отражение в либерально-конституционном движении, а зарождение пролетариата — в движении, которое обычно называют нигилизмом»¹. Здесь термин «нигилизм» употребляется в положительном контексте.

Вообще, гегелевский закон отрицания отрицания пока никто не отменял. Отрицание может быть ради достижения более высоких целей, идеалов; ради устранения диктаторских режимов, тирании. Еще Ж. Ж. Руссо заметил: «Деспот не может жаловаться на свергающее его насилие». Право народа на сопротивление самовластью, угнетению было зафиксировано во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Следовательно, не всякая революция — зло.

Однако в целом нигилизм, в традиционном его понимании воспринимается в большинстве случаев как явление *деструктивное*. В толковом словаре В. И. Даля нигилизм однозначно определяется как «безобразное и безнравственное учение, отвергающее все, что нельзя ощупать». В наше время он нередко принимает разрушительные формы. В крайних своих проявлениях нигилизм смыкается с различными анархическими, лево- и праворадикальными устремлениями, всевозможными фобиями, националистическим и политическим экстремизмом. «Нигилизм — стереотип мышления любого радикалиста, даже если он этого не осознает»².

Характерным признаком нигилизма является не объект отрицания, который может быть лишь определителем его конкретного вида, а *степень, т. е. интенсивность, категоричность и бескомпромиссность* этого отрицания — с преобладанием субъективного, чаще всего индивидуального начала. Нигилизм «предполагает некоторую тотальность отрицания, доведенную до предельной полноты»³.

Перед нами гипертрофированно выраженное сомнение в известных ценностях и принципах. При этом, как правило, избираются наихудшие способы действия, граничащие с антиобщественным поведением, нарушением моральных и правовых норм. Плюс отсутствие какой-либо позитивной программы или, по крайней мере, ее абстрактность, зыбкость, аморфность. «У нигилиста всегда виноват кто-то, но не он»⁴.

Социальный нигилизм особенно распространился у нас в разгар «перестройки» и «гласности». Именно тогда он с ходу взял стремительный темп, набирая обороты уже в период «раннего Ельцина» (к концу его правления он достиг своего апогея). Данное явление возникло на волне охватившего страну всеобщего *негативизма*, когда все и вся переоценивалось, переосмысливалось, осуждалось и отвергалось. С одной стороны, была видна очистительная функция нигилизма, а с другой — его побочные последствия, ибо сплошной поток негатива сметал на своем пути и позитивные начала.

Расчистка авгиевых конюшен сопровождалась такими явлениями, как безудержное самобичевание, развенчание и осмеяние всего прежнего опыта,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 41.

² Демидов А. И. Политический радикализм как источник правового нигилизма // Государство и право. 1992. № 4.

³ Сапронов П. А. Указ. соч. С. 7.

⁴ Золотуский И. П. Нигилисты второй свежести. Раздумья на исходе эпохи. Иркутск, 2008. С. 6.

сложившихся культурно-исторических традиций и привычек, изображение уходящего времени только в черных красках. Лейтмотивом этих умонастроений была мысль: «У нас все плохо, у них все хорошо». «С пьедесталов летели» имена и ценности, в которые еще вчера беззаветно верили. На крайности этого «самошельмования», потерю меры обращали внимание даже зарубежные деятели, не лишённые чувства здравого смысла¹.

Защитленность на обличительстве, уничижительной критике граничила подчас с утратой чувства национально-государственного достоинства, формировала у людей и всего общества комплекс неполноценности, синдром вины за прошлое, за «исторический грех». Раздавались призывы к всеобщему покаянию. Социально-политический и идеологический нигилизм принимал нередко политически непристойные формы.

Отречение от всего, что было «до того», от старых фетишей объективно подпитывало нигилистические разрушительные тенденции, которые не уравновешивались созидательными. Как справедливо отмечалось в литературе того времени, «у нас было два пиковых проявления тоталитарного мышления и сознания: тотальная апологетика послереволюционного прошлого и тотальное его ниспровержение»².

Публицисты острили: на смену лозунгу «Мы наш, мы новый мир построим» пришел другой: «Мы наш, мы новый *миф* построим». В какой-то мере была даже утрачена вера в прогресс. Появились «нигилисты», которые предлагали расчленивать страну на 40–50 «независимых» государств с тем, чтобы они потом мирно жили и «дружили домами». Звучали лозунги: «десоветизация», «департализация», «децентрализация», «дефедерализация». Это было смутное, сумбурное время. В добавок ко всему, шла крутая криминальная революция.

Развенчивались герои войны и труда, их подвиги, самопожертвование, дискредитировались и опозлялись неугодные писатели, деятели искусства. Было забыто пушкинское «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», а также грибоедовское «и дым Отечества нам сладок и приятен». Огульная критика прошлого вызвала резкое недовольство той части российской интеллигенции, которая считала себя национально мыслящей и патриотически настроенной. Она была против «циничных плевков в спину — в сторону отцов, дедов и прадедов»³.

Далее И. П. Золотусский пишет: «Нигилисты первой свежести (имеются в виду советские диссиденты. — Н. М.) всегда в некотором роде — камикадзе. Они рискуют головой. Они поднимают голос отрицания, когда все вокруг заражено аллилуйщиной. Нигилисты второй свежести появляются тогда, когда всем разрешено говорить все обо всем. И оттого их “подвиги” на поприще разоблачения не несут никакого риска, а потому не имеют особой ценности. Они назвали себя “демократами”, но на самом деле были чистые нигилисты. Мне искренне жаль этих нигилистов второй свежести»⁴. Ранее подобные оценки высказал также А. С. Ципко⁵.

¹ См.: Тадао М. Русские, почему вы забываете, что Советский Союз — могучая держава? // Советская Россия. 1989. 5 нояб.

² Мушинский В. О. Сумерки тотального сознания // Государство и право. 1992. № 3. С. 80; см. также: Кара-Мурза С. Интеллигенция на пепелище России. М., 1997. С. 162; Его же. Манипуляция сознанием. М., 2000; Поляков Ю. От империи лжи к республике вранья. М., 1997; Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998.

³ Золотусский И. П. Указ. соч. С. 96.

⁴ Там же. С. 96, 100.

⁵ См.: Ципко А. С. Почему я не «демократ». Критика национального нигилизма российских либералов. М., 2005.

На волне всеобщего «ниспровергательства» и нигилизма, прокатившейся по стране в начале 90-х гг., никого, наверное, не удивило бы утверждение, что при тоталитарной системе погода была «не такой» и ее надо «менять». Или что у всех советских людей («совков») были сплошь плохие почерки. Смешно, но так было. Прозрение пришло позже, постепенно, по мере приближения, как шутили публицисты, «сокрушительной победы».

Одним из первых спохватился популярный тогда и уважаемый всеми журналист Отто Лацис: «Что происходит? Мы буквально соревнуемся в уничтожении общественных идеалов: кто страшнее вывернет наизнанку все, чему раньше поклонялись. Пора одуматься»¹. Поднял голос один из ведущих российских ученых-юристов: «Опять мы в большевистской манере пытаемся утвердить новые утопии, не считаясь ни с чем»².

Как видим, спектр социального нигилизма весьма пестр и богат, переливается всеми цветами радуги. Он может быть «левым», «правым» и «центристским» со множеством полутонов и оттенков. Перед нами достаточно сложное, неоднозначное явление. И отраднo, что в последнее время возникла новая волна интереса к данной проблеме ученых-гуманитариев, которые стали уделять ей все более пристальное внимание — в России и за рубежом³.

Правовой нигилизм — разновидность социального нигилизма как родового понятия. Сущность его — в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения. Подобные антиправовые установки и стереотипы есть «элемент, черта, свойство общественного сознания и национальной психологии, отличительная особенность культуры, традиций, образа жизни»⁴.

Одним из ключевых моментов выступает надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права, оценка его не как базовой, фундаментальной идеи, а как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей, что, в свою очередь, характеризует меру цивилизованности общества, состояние его духа, умонастроений, социальных чувств, привычек.

Неверие в высокое предназначение, возможности и даже необходимость права — таков морально-психологический генезис данного феномена. Наконец, отношение к праву может быть просто индифферентным (безразличным), что тоже свидетельствует о неразвитом правовом сознании людей, об ущербности их менталитета. В конечном счете речь идет о не востребованности права обществом, нелюбви к порядку.

Корни же этого недуга уходят в далекое прошлое. Для нашей страны это — устойчивая многовековая традиция, которую признавали все передовые мыслители российского общества, сильно сокрушались по данному поводу. Расхожими стали печальные слова Герцена о том, что жить в России и не нарушать законов нельзя. «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; совершенно так же поступает и правительство»⁵.

¹ Известия. 1993. 14 дек.

² Алексеев С. С. Гримасы антитоталитарной революции // Независимая газета. 1994. 19 янв.

³ См.: Пигалев А. И. Философский нигилизм и кризис культуры. Саратов, 1991; Ципко А. С. Указ. соч.; Золотусский И. П. Указ. соч.; Сапронов П. А. Путь в ничто. Очерки русского нигилизма. СПб., 2010; Краус В. Нигилизм и идеалы. : пер. с нем. М., 1994; Судьба нигилизма : пер. с нем. / Э. Юнгер и др. М., 2006.

⁴ Туманов В. А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 20.

⁵ Герцен А. И. Соч. Т. 7. М., 1950. С. 251.

С этим созвучна не менее популярная мысль Салтыкова-Щедрина: суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. Щедринский градоначальник так и советовал: «Ежели чувствуешь себя в своей деятельности в чем-то стесненным законом, то, сняв оный со стола, положи его под себя». А еще классик не без сарказма писал: «Российская власть обладает способностью держать свой народ в состоянии постоянного изумления».

Следовательно, правовой нигилизм исходит не только от простых обывателей, но и от «столоничальников», т. е. как снизу, так и сверху. Подобная ситуация сохраняется до сих пор. И трудно сказать, что опаснее, вреднее — первое или второе. Думается, что бюрократический, чиновничий нигилизм, основанный на всевластии государственной элиты, является более разрушительным и ведет к далеко идущим последствиям. Социологи в своих опросах поставили вопрос: кто больше нарушает закон в России — чиновники или сами граждане? И получили ответ: чиновники (77 %)¹.

Историк В. О. Ключевский с горечью признавался: «Не я виноват в том, что мало обращаю внимания на право: меня приучила к этому русская жизнь, не знавшая никакого права»². В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю в сердцах заметил: в России «нет даже полицейского государства, есть только огромные корпорации воров и грабителей». В то время это было общим взглядом творческих деятелей на окружающую их действительность. Известны крайне отрицательные суждения Л. Н. Толстого о праве, который называл его «гадким обманом властей», насилием над личностью.

Даже такой ценитель и проповедник права, как Б. А. Кистяковский, в известной статье в защиту права пишет: «Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святость. Значение его более относительно»³.

Как видим, данное высказывание отводит праву не первое и даже не второе или третье место в общем культурном наследии человечества, оно отодвигается автором куда-то на периферию общественного прогресса. Все это, как пишет тот же Б. А. Кистяковский, дало повод одному из поэтов-юмористов того времени сочинить следующие довольно едкие, но остроумные стихи:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...

Таковы отечественные правовые традиции, культура, привычки, образ жизни. К сожалению, мы не только не избавились от этого застарелого порока, но в полной мере унаследовали его, а во многом даже «обогатили». На протяжении длительного времени право в обществе «реального социализма» всячески умалялось, в нем не видели истинно демократического и краеугольного института, высокой

¹ См.: Известия. 2010. 26 сент.

² Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы. М., 1968. С. 378.

³ Кистяковский Б. А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 122.

социальной и моральной ценности. Предпочтение отдавалось экономике, политике, идеологии, партийной линии. Идеи же права нередко третировались, отрицались. Так, в середине 20-х гг. минувшего столетия М. А. Рейснер саркастично писал: «Если право не “опиум” народа, то, во всяком случае, довольно опасное снадобье»¹. Несколько мягче высказывание Е. Б. Пашуканиса: «Мы за то, чтобы в праве на первом месте стояла политика, чтобы политика довлела над правом»². Какова была политика в то время, хорошо известно.

Право, скорее, терпели как необходимое декоративное украшение, формальный атрибут, фасад, свойственные любому «благопристойному» обществу. Но в целом оно считалось «неполноценной и даже ущербной формой социальной регуляции, лишь на время и лишь в силу печальной необходимости заимствованной у прежних эксплуататорских эпох»³. Право должно было «отмереть». На практике осуществлялась ленинская идея, согласно которой в основе социалистического государства лежит диктатура пролетариата, представляющая собой «ничем не ограниченную, никакими правилами не стесненную, опирающуюся непосредственно на силу, а не на закон, власть»⁴. Уже в этом заключался главный изначальный источник правового нигилизма, носившего по сути официальный характер.

Таким образом, правовой нигилизм имеет в нашей стране благодатнейшую почву, которая всегда давала и продолжает давать обильные всходы, причем эта почва постоянно удобряется, так что «неурожайных» лет практически не было. И раньше, и теперь мы живем в море беззакония, подчас принимающего характер национального бедствия, наносящего обществу огромный и невосполнимый ущерб. При этом современное содержание правового нигилизма вышло далеко за рамки простого неуважения или несоблюдения права; в условиях нынешней России оно (содержание) означает нечто гораздо большее.

В связи с этим трудно согласиться с мнением, согласно которому правовой нигилизм — всего лишь «сознательное игнорирование требований закона, исключаящее, однако, преступный умысел», а «игнорирование закона с преступной целью представляет собой самостоятельную форму деформации правосознания»⁵. С этой точки зрения, правовой нигилизм остается таковым только до тех пор, пока он не доходит до стадии сознательного нарушения правовых норм; он означает лишь непризнание права, отсутствие веры в его социальную значимость⁶.

Конечно, хорошо, если бы дело было именно так. Тогда правовой нигилизм представлял бы собой хоть и нежелательное, но все же сравнительно безобидное явление. В приведенных суждениях по сути дела отрицается тот факт, что умышленные правонарушения, в частности, преступления есть форма проявления правового нигилизма. Получается, что если человек просто не уважает или игнорирует закон — это нигилизм, а если он при этом его еще и нарушает — это не нигилизм, а нечто другое. Нелогично.

¹ Рейснер М. А. Право. Наше право, чужое право, общее право. М., 1925. С. 35.

² Пашуканис Е. Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. 1930. № 11/12. С. 8.

³ Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманитарный смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 164.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 376.

⁵ Баранов В. М. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 482.

⁶ См.: Кулапов В. Л. Теория государства и права : учебное пособие. Саратов, 2005. С. 341.

Мы же полагаем, что злостный, корыстный, уголовный криминал — наиболее грубый и опасный вид правового нигилизма. Преступность — мощный источник и в то же время крайняя форма выражения нигилизма. Из этого огромного бастиона и рассадника зла берут свое начало многие другие социальные аномалии. Это, кстати, не мешает видеть в преступлениях и «самостоятельную форму деформации правосознания». Одно не исключает другое. В случае с преступностью речь идет не просто об игнорировании или неуважении закона, а о его прямом, преднамеренном попрании. Иная позиция была бы, на наш взгляд, странной и непоследовательной. Выражением правового нигилизма являются также сознательно допускаемые административные, гражданские, дисциплинарные и иные проступки. Впрочем, вопрос дискуссионный и требует обсуждения. Любое мнение по столь сложной и неоднозначной проблеме имеет право на существование. И такое обсуждение уже ведется¹.

Надо сказать, что в советский период проблема правового нигилизма практически не ставилась и не исследовалась или, точнее, замалчивалась, хотя в реальной жизни постоянно присутствовала, причем в самых грубых и жестоких формах (массовые репрессии, беззакония, борьба с «врагами народа» и т. д.). Она стала привлекать к себе внимание лишь на исходе «перестройки» и затем с началом реформации. Появились первые публикации — статьи, рефераты диссертаций, монографии. Не оставалась в стороне пресса, не отмалчивались, как прежде, официальные структуры, представители власти. Проблема перешла в разряд «обсуждаемых», причем все более активно².

Сегодня главная причина неуважительного, мягко говоря, отношения к закону — продолжающийся системный кризис общества. Криминогенная действительность, политическая напряженность, экономические неурядицы, пауперизация, алкоголизация и наркоманизация значительной части населения, разгул преступности, чиновничий беспредел, коррупция, расхождение слов с делами, неравенство перед законом и судом, социальная несправедливость, не знающий аналогов в мире разрыв между «очень богатыми» и «очень бедными», уродливый российский капитализм и многое другое постоянно воспроизводят правовой нигилизм в геометрической прогрессии.

Нигилизм стал опасной хронической болезнью, поразившей все звенья и структуры государства, весь его организм. И в то же время образом жизни, его негативной стороной. Как это ни прискорбно, но традиционное разгильдяйство, расхлябанность, неприученность к порядку, дисциплине, организованности давно считаются национальными чертами российского менталитета. Однако явление это, безусловно, социального, а не естественного происхождения. Нигилизм по наследству не передается, он не в генах, а в ментальности. Это социальная патология.

¹ См.: Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2009. С. 58–68.

² См.: Туманов В. А. О правовом нигилизме // Государство и право. 1989. № 10; Его же. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8; Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2; Его же. Правовой нигилизм как явление российского политического менталитета // Право и жизнь. 2002. № 47; Попов В. В. Некоторые формы проявления правового нигилизма и пути их преодоления // Юрист. 2002. № 1; Горюхов П. А. Социальная природа правового нигилизма. Оренбург, 1998; Гулина О. Р. Феномен правового нигилизма в современной России. Уфа, 2003; Варламова Н. В. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее и будущее России // Конституционное право. Восточно-Европейское обозрение. 2000. № 1; Гуляихин В. Н. Правовой нигилизм в России. Волгоград, 2005; Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2009; Чайкин Э. В. Синдром русского треугольника. Антология правового нигилизма в России. М., 2010.

Произвол, своеволие и коррумпированность чиновников, правящей элиты, повсеместное игнорирование юридических, моральных и иных социальных норм, низкий уровень правосознания достигли критической точки, за которой начинаются стихия, хаос, распад. Потеря же управляемости, выход ситуации из-под контроля создают тягу к «сильной руке», «закручиванию гаек». А как иначе бороться со злом? Одного воспитания и просвещения уже недостаточно, нужны экстраординарные меры, «принуждение к правопослушанию». Ибо не подчинение законам причиняет не меньший вред, чем их прямое нарушение.

Некомпетентность и неэффективность власти, утрата доверия к ней — один из глубинных источников правового нигилизма. Отсюда неверие в право, закон, справедливость. По данным социологов, примерно половина российских граждан не доверяют органам МВД, прокуратуры, суда, не обращаются к ним за помощью. Дают о себе знать рецидивы политико-правового хаоса «лихих девяностых» с их криминальными разборками «по понятиям», по праву сильного, типа феномена «Кущевки». До конца корни еще не выкорчеваны. В результате у нас возникла «теневая юстиция», которая нередко оказывается более «скорой и правой», чем официальная. Существует «теневое право»¹.

Вообще, у нас слишком много теневых сторон жизни общества: «теневая экономика», «теневая политика», «теневое правосудие», «теневое право», «теневое правительство», «теневое государство», а в конечном счете — «теневая Россия»². Наряду с правоохранительными органами появились «левоохранительные». Именно поэтому страна нуждается не только в социально-экономической и политической стабильности, но и в правовой. Более того, правовая стабилизация, последовательное соблюдение порядка и законности, может в немалой степени способствовать упрочению положения дел во всех других областях, ибо правовая дисциплина лежит в основе общегосударственной. Все должно решаться открыто, транспарентно, по закону, в рамках правового поля, а не за их пределами. В последнее время у нас помимо «телефонного права» (нигилизм сверху) появилось «митинговое правосудие» (нигилизм снизу), которое ни к чему хорошему привести не может.

Сегодня, как никогда, нужна *новая идея справедливости*, на которую существует огромный массовый запрос. Но справедливости не советской, не патерналистско-уравнительной, а справедливости, основанной на личной экономической и политической свободе гражданина, его способностях и предприимчивости, равенстве перед законом и судом, уважении со стороны легитимной власти. Сейчас такой справедливости нет. Поэтому пока будут «рублевки», и «мигалки», люди «первого и второго сорта», несправедно нажитые богатства, цинично-демонстративное потребление богатых, до тех пор будет существовать правовой, государственный и моральный нигилизм. Фактически мы сегодня наблюдаем две России: два мира, две реальности. Все это вызывает крайнее раздражение, недовольство, озлобление «простых смертных». Рассуждают просто: а зачем соблюдать законы, когда вокруг... В отличие от западных демократий у нас пока не сложилось понятие «культура потребления».

¹ См.: Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород, 2002; Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5; Самигуллин Р. К. Право и неправое // Государство и право. 2002. № 3; Тихомиров Ю. А. Право официальное и неофициальное // Российское право. 2005. № 5.

² См.: Теневая Россия: экономико-социологическое исследование / под ред. И. М. Клямкина, Д. М. Тимофеева. М., 2000; Исаев И. А. Скрытые аспекты власти. М., 2002; Попов Ю. Н., Тарасов М. Е. Теневая экономика в системе рынка. М., 2005.

Надо сказать, что ныне действующая Конституция РФ призвана была с самого начала стать главным консолидирующим фактором жизни страны, способным сплотить общество. Проблема, однако, в том, что разработанная в спешке «победившей» стороной и принятая с многочисленными нарушениями на референдуме в 1993 г. Конституция имеет явно недостаточную легитимность и социальную базу (поддержана лишь одной третью избирателей, 14 субъектов Федерации вообще за нее не голосовали, 17 проголосовали против), что затрудняет достижение на ее основе гражданского мира и согласия.

Конституция была создана «под Ельцина», с «фараонскими» для него полномочиями, поэтому в прессе ее окрестили «персональной». Она не выражала действительного соотношения политических сил того времени; не выражает и сейчас. Не случайно в последнее время все более активно выдвигаются предложения о внесении в нее поправок, изменении конституционной политики вообще¹. За улучшение Основного Закона выступает парламентская оппозиция. Предлагается даже дополнить Конституцию тремя новыми главами («Гражданское общество», «Органы контроля», «Россия в союзе государств»), урезать полномочия президента, расширить функции парламента, называют другие новации.

К тому же до сих пор не развеяны сомнения относительно факта принятия Конституции положенным числом голосов и необходимым явочным кворумом. В прессе на этот счет приводились весьма убедительные данные². Указанное обстоятельство в значительной мере снижает моральный авторитет и реальную силу Конституции. Юридически же жить по ней обязаны все. У определенной части населения налицо внутренний конфликт между несогласием с предложенным в свое время проектом и внешней необходимостью соблюдения уже принятого Основного Закона. А это еще один источник правового и нравственного нигилизма, ибо психологическая раздвоенность личности не позволяет ей сформировать четкую и активную гражданскую позицию в отношении нынешнего политико-правового статус-кво.

Иными словами, существует не только общеправовой, но и конституционный нигилизм, который является юридическим выражением несогласия большинства людей с властью³. Получается, что одним из источников правового нигилизма выступает сама Конституция с ее многочисленными изъянами и недомолвками, «скрытыми полномочиями». Объективно она генерирует правовой нигилизм. Ко всему прочему, постоянно нарушалась и нарушается.

Особенно этим грешил первый Президент РФ, о чем со знанием дела свидетельствует бывший руководитель его администрации С. Филатов: «Президент часто обходил законы, которые его по тем или иным причинам не устраивали. Первый человек государства должен прежде всего соблюдать Конституцию, это его

¹ См.: Добрынин Н. М. Конституционализация — ожидаемое или норма жизни? // Государство и право. 2010. № 5; Малько А. В. Конституционная политика как разновидность правовой политики // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4; Васильев В. И. Гарантии есть, а выхода — нет. Основной закон страны уже не отвечает запросам на перемены // Независимая газета — Политика. 2012. 6 марта; Реформа Конституции РФ — ящик Пандоры или насущная необходимость? // Политика. 2012. 17 апреля.

² См.: Лукьянова Е. Н. Из истории беззакония. Как в 1993 году принимали Основной закон Российской Федерации // Независимая газета. 1999. 2 окт.; Андрусенко Л. Персональная Конституция // Там же. 2001. 31 дек.; Кива А. «Загогулины» российской Конституции // Парламентская газета. 2000. 6 окт.

³ См.: Лысенко В. Конституционный нигилизм. Как лечить? // Российская Федерация. 1999. № 7; Авакьян С. Конституционный нигилизм в думском варианте // Российская газета. 2002. 3 апр.

главная обязанность. Но он не только этого не делал, но нередко игнорировал или нарушал ее»¹. Обстоятельно все это показано в работах конституционного судьи в отставке В. О. Лучина².

Таким образом, один из глубинных источников правового нигилизма коренится в отчужденности граждан от Основного Закона страны, как, впрочем, и от других основополагающих актов; во внутреннем неприятии их в качестве «своих», т. е. подлинно легитимных. Между тем, как писал И. А. Ильин, «честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке»³.

Иными словами, важно, чтобы человек «свободною душой закон боготворил» (А. С. Пушкин), а не по принуждению, не из-под палки. Именно поэтому следует различать законопослушание и законоуважение. Законопослушное поведение основано чаще всего на страхе, принуждении, в то время как законоуважение — на глубоком осознании необходимости следовать закону, праву, т. е. это добровольная позиция индивида. Не зря говорят: честный гражданин плюс закон — уже большинство.

Правовой нигилизм — продукт социальных отношений, он обусловлен множеством причин и следствий. В частности, он подпитывается и такими реалиями наших дней, как политиканство, циничный популизм лидеров всех рангов, борьба позиций и амбиций, самолюбий и тщеславий. Дают о себе знать эгоизм и корысть бюрократов, некомпетентность и бестолковость чиновников. Последнее — традиционно болезненное место нашей отечественной государственности. Пушкинское «он чином от ума избавлен» подтверждается на каждом шагу. Полузнайство, невежество, дилетантство, а также банальное разгильдяйство разрушают всякую правовую ткань, любые разумные юридические установления. Кроме того, чиновники элементарно нечестны. Например, по данным Генпрокуратуры РФ, в 2011 г. 40 тысяч из них неверно заполнили декларации, скрыли значительную часть своих доходов⁴. И это в основном крупные чиновники.

На личностном уровне правовой нигилизм выступает в двух ипостасях: как состояние умов, чувств, настроений и как образ действий, линия поведения. Именно действие — непосредственный индикатор вредности и опасности явления. Поступки — плоды помыслов, поэтому не иначе как по поступкам, действиям можно судить о самом наличии и последствиях правового нигилизма. Он может быть активным и пассивным, стойким и спонтанным, постоянным и ситуативным, проявляться в виде простого фрондерства, иметь личные причины, когда, скажем, гражданин недоволен судом только потому, что он его судил, а закон плох потому, что предусмотрел наказание за совершенное им деяние. Это бытовой уровень правосознания.

Нигилизм возникает и как результат неудовлетворенности субъекта своим социально-правовым статусом, неадекватным, по его мнению, собственным потенциальным возможностям. При этом надо различать неправомерные **мысли**, убеждения и неправомерные действия, **поступки**; за первые ответственность наступить не может, за вторые возможны санкции, наказание. И, конечно, правовой нигилизм, как уже

¹ Филатов С. Плоды правового нигилизма // Независимая газета. 1998. 28 авг.

² См.: Лучин В. О. «Указное право» в России. М., 1996; Его же. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002.

³ Ильин И. А. Наши задачи. М., 1993. С. 182.

⁴ См.: Известия. 2011. 28 апр.

отмечалось, нельзя рассматривать как врожденное свойство человека или целой нации; он — продукт социальной среды, житейского уклада, ментальности, а ментальность декретом сверху не изменишь.

Не последними причинами правового и нравственного нигилизма являются изъяны в следственно-прокурорской и судебной практике. Давно было подмечено: есть два способа разложить нацию — наказывать невиновных и не наказывать виновных. У нас, к сожалению, допускается и то и другое. По данным Верховного Суда РФ, половина отмененных приговоров — это брак в работе судей¹. В свою очередь Генпрокуратура заявляет, что только в 2010 г. было незаконно привлечено к уголовной ответственности 5265 человек². А сколько за 5–10 лет? Правовой нигилизм в юридической сфере, юристы-нигилисты — это нонсенс. Этого не должно быть по определению, но это есть. Перед нами самая зловредная форма правового нигилизма. По статистике МВД, в России свыше 10 тысяч преступников, в том числе убийц, находятся на свободе. Парадоксы правосудия травмируют правосознание людей, их представления о справедливости. А ведь еще древние римляне утверждали: недоверие к судьям есть начало разложения общества.

Следует различать *источники* и *причины* правового нигилизма, хотя непроходимой пропасти между ними нет. Источники, как правило, носят более глубокий, постоянный и трудноустраняемый характер (например, низкий уровень культуры и правосознания населения, социальные условия, бедность, нищета, преступность и другие факторы). Причины же более скоротечны, разнообразны, они могут появляться и исчезать или устраняться. Источники — питательная среда для появления причин. При этом определенные обстоятельства могут одновременно выступать и как источник, и как причина, и как форма выражения правового нигилизма. К примеру, та же преступность. Всякие градации здесь условны, неабсолютны.

Правовой нигилизм многолик, изощрен и коварен. Он способен быстро мимикрировать, видоизменяться, приспосабливаться к обстановке. Существует множество его причин, источников, форм, сторон и граней конкретного проявления. О некоторых из них речь шла выше. Добавим к ним такие, как нарушение прав человека, несовершенство законодательства, низкий уровень правосознания и правовой культуры, противопоставление законности и политической, идеологической или прагматической целесообразности, коллизии и противоречия в праве; сращивание власти, криминала и бизнеса (опасная «горючая смесь»), простое несоблюдение или игнорирование законов, жизнь «по понятиям». У нас возникло своего рода «понятийное право».

Ежедневно и ежечасно культивирует правовой и нравственный нигилизм наше российское телевидение (насилие, жестокость, агрессия, пошлость), которое ныне покойный академик Виталий Гинзбург не без оснований назвал «преступной организацией». Все это создает негативную атмосферу антикультуры и безответственности в обществе³. Не случайно некоторые аналитики ставят вопрос о необходимости соблюдения *информационной экологии*, ибо сегодня загрязняется не только природная среда, но и социальная, в данном случае информационно-медийная. И еще не известно, какая среда приносит наибольший вред. Средства массовой информации нередко стали называть средствами «массовой деградации».

¹ См.: Смирнов В., Козлова Н. Судьбоносные ошибки // Российская газета. 2010. 19 окт.

² См.: Российская газета. 2010. 7 дек.

³ См. подробнее: Бондарев А. С. Правовая антикультура в правовом пространстве общества. Пермь, 2006; Его же. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб., 2008.

Произошла девальвация моральных ценностей: «честность», «порядочность», «стыд», «совесть», «долг», «сострадание». Падение же морали неизбежно порождает правовой нигилизм, неуважение к «каким-то там законам», предписаниям. Давно было сказано: бессмысленны законы в безнравственной стране. Многие люди не задают себе никаких каверзных вопросов, не ставят никаких целей, легко переходят грань между добром и злом, дозволенным и недозволенным. Забывают, что личная свобода ограничивается личной же ответственностью. Модным стал девиз: «успех любой ценой». Такие черты, как жадность, стяжательность уже не очень-то и порицаются. А ведь еще древние расценивали жадность как «пропасть, в которую можно падать вечно». Бал правит культ денег. Налицо духовный кризис, в том числе правовой, кризис веры в закон, порядок, справедливость.

В связи с этим трудно согласиться с мнением М. А. Краснова о том, что «правовой нигилизм нашего народа — это миф. Просто он издавна научился приспосабливаться к неправовым условиям, выработал свою собственную шкалу оценок властных решений, обладая даром различать правоту и законность. Беда не в неправопослушном народе, а в том, что слишком часто у нас формальная законность не совпадает с правом»¹. Нам кажется, что это выглядит как наивная попытка «спасти лицо нации» от несправедливых наветов и позора, оправдать нигилизм вопреки всеобщему мнению. Указанные М. А. Красновым явления, конечно, были и есть, но было и есть, попросту говоря, наплевательское отношение к законам, а это уже не «миф», а реальность, т. е. чистейший правовой нигилизм. Справедливо подмечено: законы, как музыка, существуют только тогда, когда их исполняют.

По мнению Д. А. Медведева, «особенностью россиян является неправопослушность. Мы же знаем, это типичные черты нашего национального характера, ментальности. Мы действительно неправопослушные люди. Это правда. В нас это проявляется в массе бытовых привычек. У нас это есть как на самом верху, так и внизу. Мы все правовые нигилисты до мозга костей»². Оценка объективна и бескомпромиссна. Нигилизм стал образом жизни, нормой повседневного поведения, средой обитания.

Далее Д. А. Медведев замечает, что бороться с правовым нигилизмом трудно. Почему? Потому что, во-первых, мы, по сути, никогда, этим не занимались. И, во-вторых, не было периода в истории нашего Отечества, когда правовой нигилизм был бы вытеснен безусловным уважением к закону — таким, которое можно наблюдать в ряде развитых стран. Не было у нас такого ни в допетровские времена, ни в последующий период. Лучшая прививка от пренебрежения к праву — это десятилетия свободной жизни в условиях нормальной правовой системы, когда всем понятно, что соблюдать законы выгоднее и полезнее, чем их нарушать. Законопослушность у советских людей была выше, но она основывалась на идеологии и на страхе (потерять партбилет, работу, свободу, а иногда и жизнь). Сейчас таких страхов нет. Следовательно, мотивация к соблюдению законов должна быть иной³.

Какой же? Новая позитивная мотивация может появиться, на наш взгляд, лишь в том случае, если законы будут действительно справедливыми, глубоко *легитимными*, будут выражать подлинные интересы и волю людей, общества, восприниматься гражданами как «свои», а не «чужие», навязанные сверху в качестве абстрактных предписаний. Тогда законы, другие нормативные правовые акты

¹ Российская газета. 2002. 11 дек.; см. также: *Ткаченко С. В.* Правовой нигилизм России как основной миф рецепции западного права // *Право и политика.* 2009. № 4.

² Российская газета. 2008. 28 марта.

³ См.: Там же.

будут исполняться «не за страх, а за совесть», вызывать к себе доверие, уважение, потребность следовать им. Заодно будет формироваться и соответствующее правосознание. Народная мудрость гласит: кто потерял доверие, тому терять больше нечего. Следовательно, завоевание доверия ко всем институтам власти, законам, правосудию, органам порядка, лидерам государства — фундаментальная задача. А доверие — основа легитимности.

Важно приучить людей к тому, что жить по закону выгодно, прилично, комфортно, это признак хорошего тона, культуры, интеллигентности. И, напротив, жить вопреки закону — позорно, аморально, небезопасно. Древние римляне говорили: кто живет по закону, тот никому не вредит. А народная мудрость гласит: если хочешь крепко спать, возьми с собой в постель чистую совесть. Вспоминается и пушкинское: «жалок тот, в ком совесть нечиста». В идеале соблюдение законов должно стать для каждого человека «второй натурой», нормальным, обычным образом жизни. Но это в идеале, реальность же, увы, другая.

Международные эксперты оценивают наше постсоветское законодательство на четверку — оно, по их мнению, в целом вполне прогрессивно и демократично, а за его соблюдение, исполнение, претворение в жизнь ставят жирную двойку. Тем самым они констатируют, что у нас процветает правовой нигилизм прежде всего на уровне правореализации. А в этом случае самые мудрые и совершенные законы лишаются смысла. Именно это является нашей ахиллесовой пятой. Для многих законы становятся весьма условным понятием: нравится — повинуюсь, не нравится — игнорирую. Еще больший нигилизм порождают законы, которые невозможно исполнить, а таковые есть.

Власть на всех уровнях поражена вирусом неправового сознания. Расхожая мысль о том, что законы пишутся для того, чтобы их нарушать, у нас, к сожалению, нередко оправдывается. Безграничен ведомственный правовой нигилизм¹. Вся ткань российского общества пропитана правовым нигилизмом. Каждый рассуждает: закон не для меня, он для других. Многие бравируют тем, что удалось обойти закон, схитрить, словчить. Подается это как «уменье жить», дескать «не украдешь — не проживешь». А законопослушных граждан представляют как неудачников, наивных чудаков не от мира сего.

Воровство — одно из распространенных и позорных проявлений правового нигилизма; воровство мелкое, бытовое и крупное, как правило, чиновничье. Когда-то Н. М. Карамзин по приезду в Париж на вопрос: «Как там в России?» — ответил: «Воруют». Он же в одной из записок царю зывал: «Дайте нам два десятка честных губернаторов, и мы спасем Отечество». В исторической литературе не раз приводились слова российского императора Николая I, который якобы пожаловался однажды своему наследнику: «Похоже, в России не крадут только двое — ты да я». Известная сентенция «не пойман — не вор» все чаще сегодня в народе перефразируется: «Не пойман, но вор».

А. И. Солженицын, иронизируя по поводу печально известного призыва первого Президента РФ, охарактеризовал «лихие 90-е» краткой формулой: «Воруйте, сколько проглотите»². Одна из книг С. Говорухина называется «Страна во-

¹ См.: *Цыбулевская О. И.* Проблемы ведомственного правового нигилизма // Актуальные научные исследования. Саратов, 1998. Вып. 3; *Зрячкин А. Н.* Ведомственный правовой нигилизм как тормоз российских реформ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Сер.: Юриспруденция. 2005. Вып. 6.

² *Солженицын А. И.* Россия в обвале. М., 1998. С. 17.

ров». Все это продолжается до сих пор. Казнокрадство, мошенничество, «крыши», «откаты», «захваты», «распилы», жульничество, коррупция стали настоящей социальной чумой, разъедающей Россию снизу доверху. Воровство есть везде, но у нас оно приняло крайне гипертрофированные формы.

Цинично попираются любые нормы права и морали. Все поры общества поражены нравственно-правовым нигилизмом, утрачены грани между добром и злом. Криминальная статистика называет «астрономические» цифры коррупционных дел, огромное количество чиновников-взяточников и взяточдателей разного уровня и ранга, включая сотрудников из собственной среды. Сложился поистине «всемогущий, всеберущий, всеворующий союз» (Н. А. Некрасов). Это своего рода «элитный нигилизм», нигилизм «белых воротничков», т. е. власти. Мы наблюдаем сегодня правовой цинизм властных структур и правовой нигилизм подвластных. Одно название статьи в центральной газете повергает в шок¹. Подобные «сообщества» действуют и в органах МВД.

В свое время М. М. Сперанский назвал регионы Империи «дном беззакония». С тех пор мало что изменилось. Правда, губернаторская «вольница», которая была при Ельцине, давно закончилась. Но и при «вертикали власти» нарушений законов и законности хватает. Причем исходит все это прежде всего от бюрократии, чиновничества, «слуг народа». Сосредоточение всей полноты политической воли на самой вершине управленческой пирамиды напоминает известный афоризм дореволюционного публициста Гиляровского о том, что в России две напасти: внизу власть тьмы, а наверху — тьма власти. Опасная диспропорция, приводящая, как правило, к социальным катаклизмам. Тем более что власти никогда не бывает много на любом уровне. Словом, страна с головой погрузилась в трясины правового нигилизма, выбраться из которой будет очень трудно.

Одна из самых серьезных форм проявления юридического нигилизма и вместе с тем его постоянный источник — это слабая правовая защищенность личности, которая подрывает веру в закон, в способность государства обеспечить порядок и спокойствие в обществе, оградить людей от криминального разгула. Бессилие же права не может породить позитивного отношения к нему, а напротив, вызывает лишь раздражение, недовольство, протест. Право само как бы продуцирует нигилизм. Человек перестает уважать, почитать право, т. к. он не видит в нем своего надежного гаранта и опоры. В таких условиях даже у законопослушных граждан вырабатываются нигилизм, недоверие к существующим институтам, правовая разочарованность, скепсис.

Существует *доктринальная форма* правового нигилизма, проистекающая из некоторых старых и новых теоретических постулатов. Раньше они были связаны прежде всего с догматизацией, вульгаризацией и безмерной идеологизацией государственно-правовой действительности, ее развития (отмирание государства и права, замена правового регулирования общенормативным или моральным; примат политики над правом, власти над законом; лобовой классовый подход, жесткий экономический детерминизм и т. д.).

Длительное и безраздельное господство позитивного права в худшем его понимании (в духе Вышинского) и отрицание идей естественного права не могли привести к адекватным выводам, характерным для демократического гражданского общества. Право обслуживало интересы партийно-политической элиты и трактовалось исключительно как средство, орудие, инструмент, рычаг. Его не рассматривали в качестве самостоятельного исторического, социального и культурного феномена.

¹ См.: Преступное прокурорское сообщество // Известия. 2011. 18 мая.

Такая интерпретация права не могла выработать в общественном сознании подлинно ценностного отношения к данному институту. Напротив, укоренялась мысль о его второстепенности и нерешающей роли. Главное — это экономика, политика, идеология, партийная линия, а не какие-то там правовые ценности. Культивировалось пренебрежительное отношение ко всему юридическому. В ходу были выражения «юридическая формалистика», «юридическая казуистика», «буквоедство» и т. п. Считалось, что все это лишь связывает руки, мешает «работать».

Нельзя не отметить также объективно неконструктивную роль некоторых новейших научных (нередко околонучных) веяний и тенденций, способных подогревать правовой нигилизм на теоретико-методологическом уровне («писаное» и «неписаное» право, «правовые» и «юридические» нормы, «правовая» и «юридическая» безопасность, противопоставление права и закона, возможность нарушения последнего во имя высших «демократических ценностей» и проч.). Из некоторых концепций логически вытекает, что закон изначально плох, и его соблюдение не обязательно. Подспудно, вольно или невольно, формируется «негативный образ» закона, а значит, правовой нигилизм.

Критерии между «правовыми» и «неправовыми» законами весьма нечетки, размыты, что создает неограниченный простор для субъективных трактовок и выводов. Опасность противопоставления права и закона в том и состоит, что с помощью этой теории можно оправдать любые противозаконные действия, объявив закон «неправовым». Злоупотребляют ведь не только законами, но и правом, идеями права. В этом смысле может быть не только «неправовой» закон, но и, так сказать, «неправовое» право.

Кто бы мог подумать, что в кровавых событиях осени 1993 г. безобидная на первый взгляд концепция об «упречных», «плохих» законах и «непогрешимом» «подлинном» праве («демократических ценностях») будет использована в острейшей политической схватке для обоснования одной из конфликтующих сторон своей «правоты», о чем прямо говорилось в печально знаменитом президентском Указе № 1400. Правовой нигилизм выразился в данном случае в решительном отрицании действовавшей тогда Конституции как Основного Закона страны, пусть и несовершенного, с изъятиями, а также в разгоне, а затем расстреле законно избранного парламента. Последствия тех событий мы пожинаем до сих пор. Так что нигилизм в теории не менее опасен, чем на практике. Научные постулаты используются в критические моменты как политические козыри.

Таковы основные сферы распространения и вместе с тем наиболее типичные на сегодня формы выражения правового нигилизма. Имеются и другие его виды и разновидности, «измерения» и модификации. Корневая система данного явления сложна. Как мы старались показать, есть предельно грубые и весьма опасные проявления рассматриваемого зла, связанные прежде всего с умышленными правонарушениями, преступлениями; и есть более мягкие, бытовые, когда люди просто не приучены или не желают жить по закону, относятся к нему без особого пиетета, безразлично или неуважительно. Но в целом, взятые вместе, все эти аномалии подрывают основы общества, тормозят его развитие, приносят огромный моральный и материальный вред.

Между тем основной ресурс модернизации нашего общества — это именно моральная и политико-правовая культура, законопочитание, следование демократическим нормам и принципам, порядку и дисциплине, а вовсе не голая экономика, технологии, финансы при всей их значимости. Иными словами, модернизация

должна произойти прежде всего в головах людей, в их сознании, менталитете. Сегодня снова возник острый запрос на реформы, но реформы «правильные», «нормальные», а не «шоковые» и не «лихие». «Красногвардейских атак» либерально-большевистского толка уже никто не желает.

Стране нужна сильная, легитимная, дееспособная власть. Но не менее, а может быть, более ей нужны сильные, эффективные законы, которые бы все соблюдали и которые удерживали бы в границах порядка саму власть, если вести речь о правовом государстве, гражданском обществе.

Подытоживая все сказанное, можно выделить некоторые общие, наиболее характерные черты и особенности современного правового нигилизма в России:

- его подчеркнуто демонстративный, воинствующий, цинично-агрессивный характер, не влекущий никакой ответственности, что обоснованно квалифицируется общественным мнением как беспредел или запредельность, отождествляется с хаотизацией общества;

- массовость, тотальность, широкая распространенность не только среди граждан, социальных и профессиональных групп, слоев, кланов, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранительных эшелонах власти;

- многообразие форм проявления — от криминальных до легальных, от парламентско-конституционных до митингово-анархических и охлократических, от «верхушечных» до бытовых; для многих он стал образом жизни, привычной повседневностью;

- особая степень вредности, разрушительности; оппозиционная и конфронтационная направленность, нередко принимающая форму «вызова», «абструкции», «подстрекательства»; в моде не позитив, а негатив; распространение разного рода фобий, вражды, нетерпимости, проявлений экстремизма;

- слияние с государственным, политическим, нравственным, духовным, культурным, национальным, интеллектуальным нигилизмом, образующими вместе единый деструктивный процесс, ведущий в конечном счете к дестабилизации общества;

- связь с негативизмом — более широким течением, захлестнувшим в последние годы сначала советское, а затем российское общество в ходе демонтажа старой и создания новой системы, смены образа жизни, социальных и нравственных ориентиров; доминирование разрушительных тенденций над созидательными;

- огульная критика и отрицание всего и вся по радикальному принципу «чем хуже, тем лучше», исходящая от определенных сил и групп, вовлеченных в острую политическую борьбу с властью и конфликтующих с ней. Преобладание лозунгов не «за», а «против». Умником считается тот, кто больше всех отрицает и порицает. Появление, помимо «телефонного права», «митингового правосудия».

Таким образом, правовой нигилизм — *это психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных и общественных структур, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов; феномен, выступающий как элемент общественного сознания, образа жизни, ментальности, способ, линия поведения индивида либо коллектива.*